

Читается на одном дыхании... безусловный и удивительный шедевр.

Sunday Telegraph

Хитроумные повороты, неожиданные сюжетные ходы, высокая драма... убедительнейшее выражение ее бесконечно изобретательного стиля, ее сверхъестественной способности все подмечать.

Times Literary Supplement

Один из лучших британских романов XX века.

The Oldie

Разумеется, Чарльз Диккенс уже проделал это в «Повести о двух городах», но в XX веке никому не удалось написать о Французской революции лучше, чем Хилари Мантел.

Library Journal

Хилари Мантел погрузилась в историю... и из будущей через край энергии и цепящего ужаса этих дней возникает удивительная картина.

Daily Telegraph

Это лучший исторический роман со времен «Воспоминаний Адриана» Маргерит Юрсенар, вышедших сорок лет назад.

Evening Standard

Великолепно... Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен. И Хилари Мантел превосходно его запечатлела.

Time Out

Увлекательно... Она сумела заставить этих молодых революционеров — и вместе с ними саму революцию — ожить и задыхаться.

Independent

Удивительный, головокружительный роман... невероятно обстоятельный и вместе с тем динамичный... она поставила перед собой цель выразить волнение и интеллектуальный пыл эпохи. И справилась блестяще... это просто подвиг.

Scotsman

Захватывающе... невозможно противостоять страстному пылу рассказчицы. Стиль Мантел столь точен и блестящ, что сам по себе становится актом выживания, даже искупления.

New Yorker

Это гораздо больше, чем исторический роман. Захватывающее исследование власти и цены, которую за нее приходится платить... подлинный триумф.

Cosmopolitan

Первосортный исторический блокбастер.

Red Magazine

Хилари Мантел удалось почти невозможное... грандиозный, захватывающий эпос.

Vogue

Когда же все наконец поймут, что Мантел — один из лучших британских писателей?

Зэди Смит

(автор романов «Белые зубы», «О красоте», «Время свинга»)

Блестящая, оригинальная историческая проза, которая с решительностью и прямотой воспроизводит стремительный поток, именуемый Великой французской революцией.

The Seattle Times

Эпос исключительной глубины и проработанности... он выходит за рамки увлекательного повествования, становясь шедевром литературы.

Booklist

Мантел обладает подлинным историческим чутьем... Ее проза изысканна, иронична, и в то же время от нее нельзя оторваться.

Newsday

Пружина сюжета закручена неумолимо, на зависть иным триллерам. Хилари Мантел принципиально переосмыслила сам жанр исторического романа сверху донизу.

Observer

Редкие авторы не просто закапываются в окаменевшие напластования прошлого, но поднимают свою добычу к свету, чтобы снова блестела нам на радость. Хилари Мантел — из их числа.

Саймон Шама, автор «Силы искусства» и «Глаз Рембрандта»
(Financial Times)

Хилари Мантел — наш Микеланджело от литературы.

Oprah Magazine

Прошлое под пером Мантел буквально оживает...

Vox

Противоречия и шероховатость — вот что придает ценность исторической прозе. Найти форму, а не навязать форму. И позволить читателю жить с неоднозначностью.

Хилари Мантел

Хилари Мантел — писательница, умеющая видеть сквозь кровь. Силой своей прозы она рисует моральную неоднозначность и реальную неопределенность политической жизни.

*Сэр Питер Стотард,
председатель жюри Букеровской премии*

Удивительно, как Мантел воспроизводит язык и быт прошлого. Она перерывает исторические материалы и выкапывает мельчайшие, самые выразительные детали, воссоздающие прошлое как въявь.

*Росс Кунг
(Los Angeles Times)*

Гений Мантел в том, что она пересказывает хорошо известную историю, залезая людям в голову, отыскивая тайные уголки мыслей, видя то, чего не видят другие. Я немного смущаюсь писать слово «гений», но...

Daily Mail

Мантел совершает переворот в литературе.

Times Literary Supplement

Романы Мантел ничем не уступают «Крестному отцу»: те же эпичность, драматизм и напряжение.

Scotsman

Проза Мантел великолепна... фактурная и в то же время простая, наполненная жизненной энергией.

Canberra Times

Мантел знает, что выбрать, как сделать сцену живой, как вылепить персонажей. Она как будто не умеет отрешиться или обмануть... она инстинктивно хватается за реальность. Короче говоря, это писатель, наделенный тем, чему нельзя научить, — даром писать увлекательно.

The New Yorker

Мантел решительно сметает с истории паутину, снимает потемневший глянec архаичных фраз и маскарадной сентиментальности исторических романов, так что прошлое предстает нам живым, свежим и непривычным.

The New York Times Book Review

Ее персонажи — реальные и живые люди, носители противоборствующих идей своего времени. Мантел делает прошлое живым и насущным.

The Economist

Остроумием, смелостью и поразительной широтой исторического знания Мантел вдохнула новую жизнь в избранную ею область.

Bookslut

Мантел — изумительный писатель, тонкий стилист, соединяющий абсолютную точность с захватывающей глубиной погружения, и одновременно тонкий наблюдатель человеческой природы.

New Statesman: Books of the Year

Есть историческая правда, а есть правда творческая. Мантел... чит и ту и другую.

Spectator

Хилари Мантел не только безгранично талантлива, но и безгранично смела.

Observer

Не зря говорят, что Мантел наполнила само понятие исторического романа совершенно новым смыслом. В прозе Мантел есть безусловная уверенность Мюриэл Спарк, и у читателя не возникает вопросов, откуда она столько знает про те времена, как не возникает сомнений и в ее оценке событий.

Evening Standard

Согласны мы с тем, как госпожа Мантел трактует историю, или нет, ее персонажи обладают собственной жизненной силой, шекспировской мощью.

The Economist

Мантел интересуют вопросы добра и зла в применении к людям, наделенным огромной властью. Отсюда ненависть, ликование, сделки, шпионы, казни... Она всегда стремится к цвету, богатству, музыке. Она внимательно читала Шекспира, но слышны и отзвуки молодого Джеймса Джойса.

The New Yorker

Мантел не просто приближает прошлое, а одним махом переносит нас туда своей искусной и мрачной прозой. Мы — путешественники во времени, очутившиеся в чужом мире... Интриги и переживания далекой эпохи превращают книгу в долгое изысканное удовольствие.

The Boston Globe

Шедевр исторической литературы...

Bloomberg News

Любители исторической прозы — и великой литературы — должны визжать от восторга.

USA Today

Это тугой клубок интриг, а исторические фигуры кажутся как никогда живыми и человечными!

Miami Herald

Мантел не предлагает никаких постмодернистских ребусов «переведи то время в наше», как это было, например, в «Имени Розы» Умберто Эко. И точно так же нет в ее книгах политической назидательности, ради которой пишут такие тексты многие современные романисты (из соотечественников, например, Дмитрий Быков и Леонид Юзефович), у которых прошлое — всего лишь метафора нашего времени, а знаменитые «мертвецы» оказываются всего лишь удобными трансляторами авторских мыслей о современном. Мантел же совсем не интересуется совпадение теперешней картинки с трафаретом прошлого. Вообще, если ее что-нибудь интересует, помимо собственно фигуры ее главного героя, — то это то, что называется «судом истории», и его справедливость.

Анна Наринская
(«Коммерсантъ»)

Страстный и замысловатый роман, который смешивает достоверный факт с убедительно вымышленными подробностями. Он повествует о трех ключевых фигурах Французской революции — памфлетисте Камиле Демулене, трибуне Жорж-Жаке Дантоне и народном вожде Максимилиане Робеспьере — от рождения до смерти.

Хотя тематика и немалый объем предполагают создание полновесного эпоса, манера и интонация «Сердца бури» не имеют ничего общего с привычными клише исторической романистики. Вместо этого Мантел использует «пуантилистский» подход, накапливая яркие, резкие, обрывочные мгновения, из которых создается мерцающий, призрачный мираж, окружающий читателя.

Сведя вступление к минимуму, автор позволяет персонажам раскрыться в основном за счет того, что они говорят друг другу (или друг о друге). Суждения героев — развязные, утопические или цинично просчитанные — скрещиваются на книжной странице, а строгая и бесстрастная прямота их слов придает мощи и основательности этой истории о Революции, Которая Свернула Не Туда.

The Washington Post Book World

Я стала писательницей исключительно потому, что упустила шанс стать историком. Так сказать, за неимением лучшего. Я должна была рассказать себе историю Французской революции, однако не с точки зрения ее врагов, а с точки зрения тех, кто ее совершил.

Я прочла все исторические книги, которые сумела достать, но они меня не удовлетворили. Все они повествовали о страданиях аристократии. Я считала, что их авторы упустили из виду гораздо более интересную группу — революционеров-идеалистов, чьи истории поражают воображение. Никто не писал о них романов. И я задумала написать такой роман — по крайней мере, про некоторых из них, — чтобы наконец его прочесть. Так все и вышло — долгое время я оставалась его единственным читателем. Роман задумывался как своего рода документальная проза, основанная исключительно на исторических фактах. Впрочем, спустя всего-то несколько месяцев достоверные сведения о некоем эпизоде истоцились, и мне пришлось целый день их придумывать. В конце концов мне даже понравилось. Мое непонимание того, что придется выдумывать, выглядит наивным, но я свято верила, что все факты непременно можно найти, и если я не сумела, винить некого, кроме себя.

Я начала писать этот роман в двадцать два, через год после окончания университета. Это был семьдесят четвертый. Я писала по вечерам и выходным. К счастью, на первом этапе я больше времени, чем впоследствии, уделяла архивной работе, ибо весной семьдесят седьмого мы переехали в Ботсвану, где, как вы понимаете, в этом смысле пожить было нечем. Перед отъездом я несколько недель напряженно штудировала источники, сказав себе: запасайся, чем можешь, другой возможности не представится.

Это была странная жизнь. Частично я обитала в Ботсване, частично — в тысяча семьсот девяностых годах. Я буквально жила моей книгой о Французской революции. В декабре семьдесят девятого я дописала «Сердце бури», но мне некуда было его пристроить. У меня была предварительная договоренность с издателем, который вроде бы заинтересовался книгой, и первым делом я пошла к нему. Там роман отвергли. Никого в те времена не волновала историческая проза. А если судить по сдержанным ответам литературных агентов, я поняла, что и читать его никто из них не собирался.

И тогда я придумала коварный план. Напишу-ка я другой роман, решила я. Современный роман. Это был вызов — отступить я не собиралась. Я обзавелась агентом, нашла издателя, затем написала продолжение. Сочинять два романа в мой первоначальный план не входило — я просто хотела застолбить место. Давайте начистоту. Написать современный роман — это был всего лишь способ найти издателя. Моя душа лежит к исторической прозе, и так было всегда. Когда я начинала писать книгу о Французской революции, мне казалось, что интереснее этого события в мировой истории ничего нет, и с тех пор для меня мало что изменилось. Я не представляла, как мало английский читатель знает о Французской революции, а еще меньше хочет знать.

В конце концов роман был опубликован благодаря одной газетной статье. Это случилось в девяносто втором году. У меня к тому времени

вышло четыре книги. Я стала успешным критиком. Разбогатеть не получилось, но кое-чего я достигла. А еще у меня в столе пылилась эта чудовищная стопка. Я не заглядывала в нее много лет. Что, если, думала я, книга нехороша? Коли так, значит я впустую убила на нее свою молодость. Выходит, моя писательская карьера началась с чудовищной ошибки. И все же внутри жила надежда, что когда-нибудь моя книга увидит свет. И вот однажды мне позвонила ирландская писательница Клэр Бойлан, которая собиралась писать для «Гардиан» статью о неопубликованных первых романах. Есть ли мне что сказать по этому поводу? Я могла бы соврать, но тут словно черт толкнул меня под руку. Конечно есть! Выяснилось, что она обзвонила нескольких писателей, которые ответили, что первый роман сочинили лет в восемь и он до сих пор валяется в обувной коробке. И только я захотела увидеть свой первый роман напечатанным.

Я закончила писать «Сердце бури», когда мне исполнилось двадцать семь, теперь мне было сорок. За эти годы историческая наука продвинулась далеко вперед. Отгремел двухсотлетний юбилей революции, случилась революция феминистская. Перечитав роман, я увидела, что женщины в нем исполняют роль мебели. Мне не хватало материала. Сейчас вы могли бы сказать — так придумала бы что-нибудь. Когда-то я не видела в этом нужды — не считала, что женщины важны. Моя собственная жизнь скорее напоминала жизнь мужчины восемнадцатого века, а никак не тогдашней женщины. Теперь я поняла, что следует проработать этот вопрос глубже.

Я переписала роман за одно лето. Дальнейшая же подготовка к изданию обернулась кошмаром. В основном книга была написана в настоящем времени. Кто-то в издательстве счел это неудачным и переправил на прошедшее время, я вернула как было — и так далее, корректуру за корректурой. Так что, заглянув сейчас в «Сердце бури», вы обнаружите, что в одном абзаце встречаются и настоящее, и прошедшее время. Надеюсь, когда-нибудь у меня дойдут руки это исправить.

Полагаю, эта книга всегда была для меня важнее всего остального. Я была собой, когда ее писала. К добру или к худу, думаю, что никто, кроме меня, так не напишет. Никто не практикует этот метод, это мой идеал исторической достоверности. Независимо от того, получается ли и стоит ли оно того, — я пишу так, а не иначе.

Хилари Мантел

Посвящается Клэр Бойлан

Содержание

От автора	15
Действующие лица	17

ЧАСТЬ 1

Глава 1. Жизнь как поле боя (1763–1774)	29
Глава 2. Блуждающий огонь (1774–1780)	53
Глава 3. У мэтра Вино (1780)	73

ЧАСТЬ 2

Глава 1. Теория честолюбия (1784–1787)	81
Глава 2. Улица Конде, вечер четверга (1787)	97
Глава 3. Максимилиан, жизнь и времена (1787)	116
Глава 4. Свадьба, волнения, принц крови (1787–1788)	128
Глава 5. Новая профессия (1788)	145
Глава 6. Последние дни Титонвиля (1789)	174
Глава 7. Время убивать (1789)	222

ЧАСТЬ 3

Глава 1. Девственники (1789)	247
Глава 2. Свобода, веселье, королевская демократия (1790)	289
Глава 3. Дамский угодник (1791)	320
Глава 4. Новые деяния апостолов (1791)	349

ЧАСТЬ 4

Глава 1. Легкая рука (1791)	379
Глава 2. Портрет Дантона (1791)	392
Глава 3. Три лезвия, два про запас (1791–1792)	409
Глава 4. Тактика быка (1792)	428
Глава 5. Жгут тела (1792)	459

ЧАСТЬ 5

Глава 1. Заговорщики (1792)	491
Глава 2. Робеспьерид (1792)	531
Глава 3. Осязаемое воплощение власти (1792–1793)	562
Глава 4. Шантаж (1793)	580
Глава 5. Мученик, король, дитя (1793)	594
Глава 6. Тайная история (1793)	603
Глава 7. Хищники (1793)	629
Глава 8. Неистинное раскаяние (1793)	648
Глава 9. Ост-индцы (1793)	668
Глава 10. Маркиз призывает (1793)	703
Глава 11. Старые кордельеры (1793–1794)	744
Глава 12. Двойственность (1794)	776
Глава 13. Условное отпущение (1794)	801
Послесловие	851
Примечания. <i>Е. Доброхотова-Майкова, М. Клеветенко</i>	852

От автора

Эта книга о Французской революции. Почти все персонажи в ней невымышленные, а исторические факты подлинные, по крайней мере, насколько их считают таковыми историки, между которыми нет согласия. Эта книга не беглый обзор и не подробное описание революции. Действие происходит в Париже, события в провинции остались за кадром, равно как и события, происходившие на полях сражений.

Мои главные герои пребывали в безвестности, пока революция не сделала их знаменитыми, поэтому никому доподлинно не известно, какими были их детство и юность. Я использовала имеющиеся сведения, остальное — мои предположения, подкрепленные изучением источников.

Эта книга — не беспристрастный отчет. Я пыталась смотреть на мир глазами моих героев с их взглядами и предубеждениями. Там, где возможно, вплетала в сочиненные диалоги их подлинные слова, заимствуя из записанных речей и сохранившихся трудов. Мною двигало убеждение, что зачастую записанные речи суть не что иное, как выжимки из сказанного ранее не для записи.

В книге есть персонаж, который способен читателя ошарашить, и ему отведена не главная, но запоминающаяся роль. Все знают Жан-Поля Марата, того самого Марата, которого заколола в ванне красивая девушка. И если обстоятельства его смерти не вызывают сомнений, то почти все остальные события его жизни открыты для толкований. Доктор Марат на двадцать лет старше моих главных героев, и его карьера до революции была весьма занятой и довольно продолжительной. Я чувствовала, его история может нарушить равновесие, поэтому сделала Марата приглашенной звездой, чьи появления редки, но впечатляющи. Надеюсь в будущем вернуться к доктору Марату. Любой другой роман на тему Французской революции неизбежно разоидется с тем взглядом

на историю, который излагаю я. Пока я писала эту книгу, я много спорила сама с собой о том, что есть история. Однако, прежде чем оспаривать свои доводы, следует внятно их изложить.

События в романе сложны и запутаны, поэтому желание их оживить и необходимость разъяснить неизбежно вступали в противоречие. Автор, пишущий такого рода роман, чувствителен к жалобам ревнителей точности. Предлагаю три примера, которые покажут, как я пыталась упростить себе жизнь, одновременно избегая фальсификаций.

Описывая предреволюционный Париж, я упоминаю «полицию». Это упрощение. На самом деле в те времена существовало несколько вооруженных подразделений, обеспечивающих правопорядок. Однако утомительно было бы прерывать повествование всякий раз, когда по сюжету происходят волнения, и сообщать, какие именно силы их подавляли.

Далее, почему я именую Отель-де-Виль «мэрией». В Британии, когда речь заходит о «ратуше», рисуется следующая картина: олдермены, поглаживая животы, рассуждают об украшении города к Рождеству или мусорных бачках. Мне хотелось передать идею местного самоуправления в ее живом, американском понимании — места, где сосредоточена реальная власть.

Еще более мелкий пример: мои герои обедают и ужинают в разное время. Парижское светское общество обедало между тремя и пятью пополудни, а ужинало между десятью и одиннадцатью. Однако, если более поздний прием пищи носил оттенок формальности, я именовала его «обедом». В целом персонажи книги скорее полуночники; если они делают что-то в три часа — как правило, это три утра.

Я совершенно уверена, что роман есть плод коллективных усилий, плод совместного труда писателя и читателя. Я предлагаю собственную версию событий, но факты меняются в зависимости от вашего мировоззрения. Разумеется, мои герои были лишены преимущества взглянуть на свою жизнь ретроспективно, они просто жили день за днем, жили, как умели. Я не убеждаю читателя рассматривать события под определенным углом или извлекать из них уроки. Я хотела написать роман, который даст простор для собственных суждений и симпатий — книгу, которую читатель мог бы обдумывать и проживать изнутри. Он может спросить, как же отличить правду от вымысла? В общих чертах дело обстоит так: то, что кажется наименее вероятным, и есть истина.

Действующие лица

ЧАСТЬ 1

В Гизе:

Жан-Николя Демулен, адвокат

Мадлен, его жена

Камиль, их старший сын (родился в 1760 г.)

Элизабет, их дочь

Генриетта, их дочь (умерла в возрасте девяти лет)

Арман, их сын

Анна-Клотильда, их дочь

Клеман, его младший сын

Адриан де Вьефвиль

Жан-Луи де Вьефвиль } их надменные родственники

Принц де Конде, самый знатный из местных дворян, клиент Жан-Николя Демулена

В Арси-сюр-Об:

Мари-Мадлен Дантон, вдова, вышедшая замуж за изобретателя Жана Рекордена

Жорж-Жак, ее сын (родился в 1759 г.)

Анна-Мадлен, ее дочь

Пьеретта, ее дочь

Мари-Сесиль, ее дочь, ставшая монахиней

В Аррасе:

Франсуа де Робеспьер, адвокат

Максимилиан, его сын (родился в 1758 г.)

Шарлотта, его дочь

Генриетта, его дочь (умерла девятнадцати лет от роду)

Огюстен, его младший сын

Жаклин, его жена, урожденная Карро, умершая после рождения пятого ребенка

Дед Карро, пивовар

Тетя Элали

Тетя Генриетта } сестры Франсуа де Робеспьера

В Париже, в лицее Людовика Великого:

Отец Пуаньяр, директор, известный своими либеральными взглядами

Отец Пруайяр, заместитель директора, известный своими отнюдь не либеральными взглядами

Аббат Эрриво, преподаватель классических языков

Луи Сюло, студент

Станислас Фрерон, студент из хорошей семьи, известный под прозвищем Кролик

В Труа:

Фабр д'Эглантин, безработный гений

ЧАСТЬ 2

В Париже:

Мэтр Вино, адвокат, в конторе которого учился Жорж-Жак Дантон

Мэтр Перрен, адвокат, в конторе которого учился Камиль Демулен

Жан-Мари Эро де Сешель, молодой дворянин и судейский чиновник

Франсуа-Жером Шарпантье, хозяин кафе и служащий податного ведомства

Анжелика, его итальянская жена

Габриэль, их дочь

Франсуаза-Жюли Дюоттуар, любовница Жорж-Жака Дантона

На улице Конде:

Клод Дюплесси, высокопоставленный чиновник

Аннетта, его жена

Адель }
Люсиль } их дочери

Аббат Лодревиль, духовник Аннетты, сводник

В Гизе:

Роз-Флер Годар, невеста Камиля Демулена

В Аррасе:

Жозеф Фуше, учитель, поклонник Шарлотты де Робеспьер
Лазар Карно, военный инженер, друг Максимилиана де Робеспьера
Анаис Дезорти, хорошенькая девица, родственники которой хотят
выдать ее замуж за Максимилиана де Робеспьера
Луиза де Кералио, романистка, переехавшая в Париж, вышедшая
замуж за Франсуа Робера и издающая газету
Эрманн, адвокат, друг Максимилиана де Робеспьера

Орлеанцы:

Филипп, герцог Орлеанский, кузен короля Людовика XVI
Фелисите де Жанлис, писательница, бывшая любовница герцога,
ныне гувернантка его детей
Шарль-Алексис Брюлар де Силлери, граф де Жанлис — муж Фели-
сите, бывший морской офицер, игрок
Пьер Шодерло де Лакло, романист, секретарь герцога
Агнес де Бюффон, любовница герцога
Грейс Эллиот, любовница герцога, английская шпионка
Аксель фон Ферзен, любовник королевы

В конторе Дантона:

Жюль Паре, его секретарь
Франсуа Дефорж, его секретарь
Бийо-Варенн, приходящий секретарь, человек желчного нрава

В Кур-дю-Коммерс:

Мадам Жели, соседка сверху Жорж-Жака и Габриэль Дантон
Антуан, ее муж
Луиза, ее дочь
Катрин }
Мари } служанки Дантона

Лежандр, мясник, сосед Дантонов

Франсуа Робер, преподаватель права; он женился на Луизе де Кералио, открыл бакалейную лавку, впоследствии стал радикальным журналистом

Рене Эбер, кассир в театральной кассе

Анна Теруань, певица

В Национальном собрании:

Антуан Барнав, радикал, впоследствии роялист

Жером Петсион, радикал, впоследствии прозванный бриссотинцем

Доктор Гильотен, специалист в области медицины

Жан-Сильвен Байи, астроном, впоследствии мэр Парижа

Оноре Габриэль Рикетти, граф де Мирабо, аристократ-рenegат, депутат Генеральных штатов от простолюдинов, или «третьего сословия»

Тейтш, слуга Мирабо

Клавьер

Дюмон

Дюровере

} его «рабы», женевские политики в изгнании

Жан-Пьер Бриссо, журналист

Моморо, издатель

Ревейон, владелец фабрики обоев

Анрио, владелец фабрики по производству селитры

Де Лоне, комендант Бастилии

ЧАСТЬ 3

Мсье Суле, временный комендант Бастилии

Маркиз де Лафайет, командующий Национальной гвардией

Жан-Поль Марат, журналист, издатель газеты «Друг народа»

Артур Дийон, губернатор Тобаго и генерал французской армии, друг Камиля Демулена

Луи-Себастьян Мерсье, знаменитый литератор

Колло д'Эрбуа, драматург

Отец Пансемон, суровый священник

Отец Берардье, доверчивый священник

Каролина Реми, актриса

Пер Дюшен, печник, вымышленное альтист эго Рене Эбера, бывшего кассира театральной кассы, впоследствии ставшего журналистом

Антуан Сен-Жюст, оппозиционный поэт, знакомый или родственник
 Камиля Демулена
 Жан-Мари Ролан, пожилой чиновник в отставке
 Манон Ролан, его молодая жена, писательница
 Франсуа-Леонар Бюзю, депутат, член «Якобинского клуба», друг
 семьи Ролан
 Жан-Батист Луве, романист, якобинец, друг семьи Ролан

ЧАСТЬ 4

Шарль Дюмурье, генерал, одно время занимавший пост министра
 иностранных дел
 Антуан Фулье-Тенвиль, адвокат, кузен Камиля Демулена
 Жанетта, экономка Демулена

На улице Сент-Оноре:

Морис Дюпле, хозяин плотницкой мастерской
 Франсуаза, его жена
 Элеонора, их старшая дочь, изучает живопись
 Виктуар, их дочь
 Элизабет (Бабетта), их младшая дочь

ЧАСТЬ 5

Политики, называемые бриссотинцами или жирондистами:

Жан-Пьер Бриссо, журналист
 Жан-Мари и Манон Ролан
 Пьер Верньо, член Национального конвента, знаменитый оратор
 Жером Петион
 Франсуа-Леонар Бюзю
 Жан-Батист Луве
 Шарль Барбару, адвокат из Марселя
 и множество других
 Альбертина Марат, сестра Марата
 Симона Эврар, гражданская жена Марата
 Дефермон, депутат, бывший председателем Национального конвента
 Жан-Франсуа Лакруа, умеренный депутат: сопровождал Дантона
 в Бельгию в 1792 и 1793 гг.

Давид, художник

Шарлотта Корде, убийца

Клод Дюпен, молодой чиновник, который сватался к Луизе Жели, соседке семьи Дантонов

Субербель, врач Робеспьера

Реноден, скрипичный мастер, склонный к насилию

Отец Кераванан, беглый священник

Шово-Лагард, адвокат, защитник Марии-Антуанетты

Филипп Леба, депутат левого крыла, впоследствии член Комитета общей безопасности, или Полицейского комитета, женат на Бабетте Дюпле

Вадье, известный как «инквизитор», член Полицейского комитета

*Замешанные в мошенничестве
с Ост-Индской компанией:*

Шабо, депутат, бывший капуцинский монах

Жюльен, депутат, некогда протестантский пастор

Проли, секретарь Эро де Сешеля и, по слухам, австрийский шпион

Эммануэль Добрушка и Зигмунд Готлиб, известные как Эммануэль и Юний Фрей, спекулянты

Гусман, второстепенный политик испанского происхождения

Дидерихсен, датский «коммерсант»

Аббат д'Эспаньяк, нечистый на руку армейский поставщик

Базир }
Делоне } депутаты

Гражданин де Сад, писатель, бывший маркиз

Пьер Филиппо, депутат, написал памфлет против правительства во времена Террора

Некоторые члены Комитета общественного спасения:

Сент-Андре

Барер

Кутон, паралитик, друг Робеспьера

Робер Ленде, адвокат из Нормандии, друг Дантона

Этьен Панис, депутат левого крыла, друг Дантона

На суде над дантонистами:

Эрманн (см. с. 19, «В Аррасе»), председатель Революционного трибунала

Дюма, его заместитель

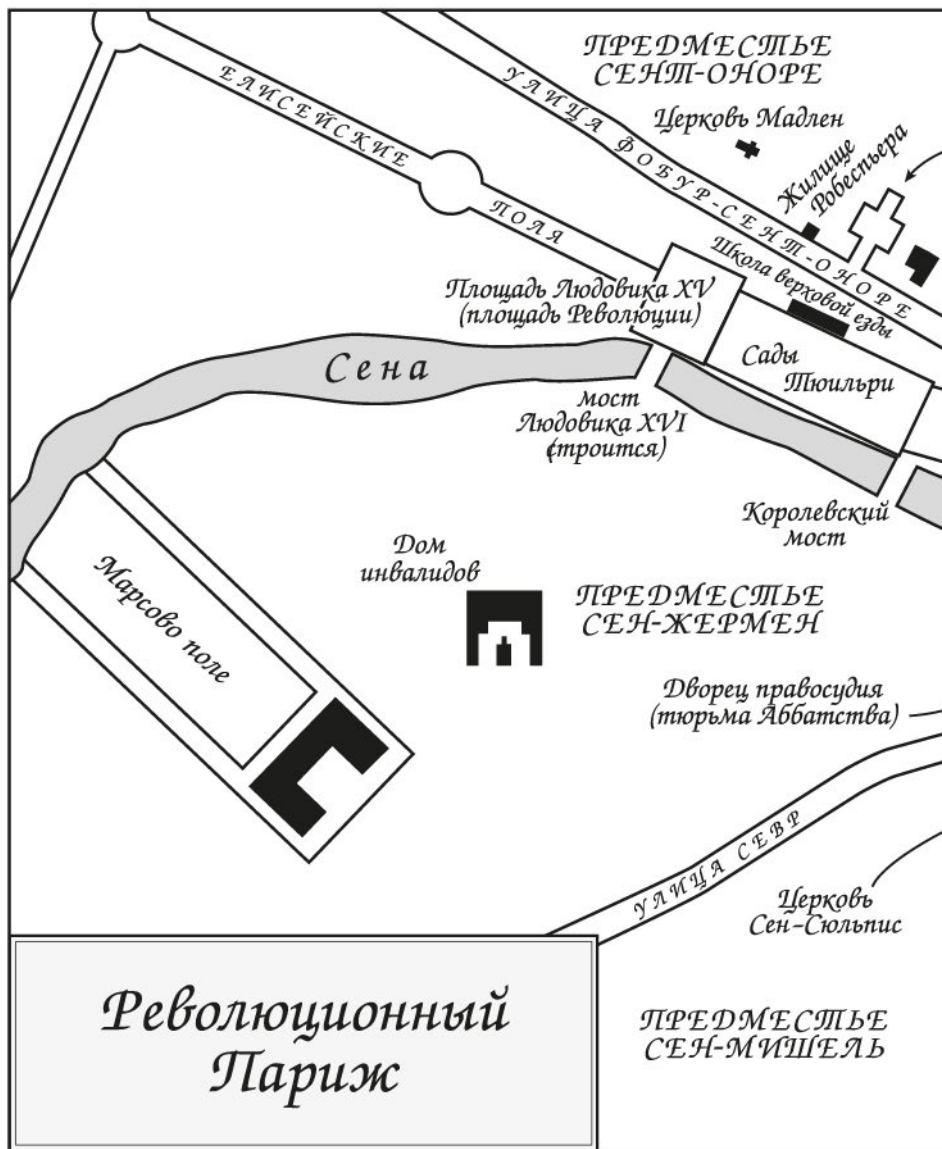
Фукье-Тенвиль, ныне государственный обвинитель

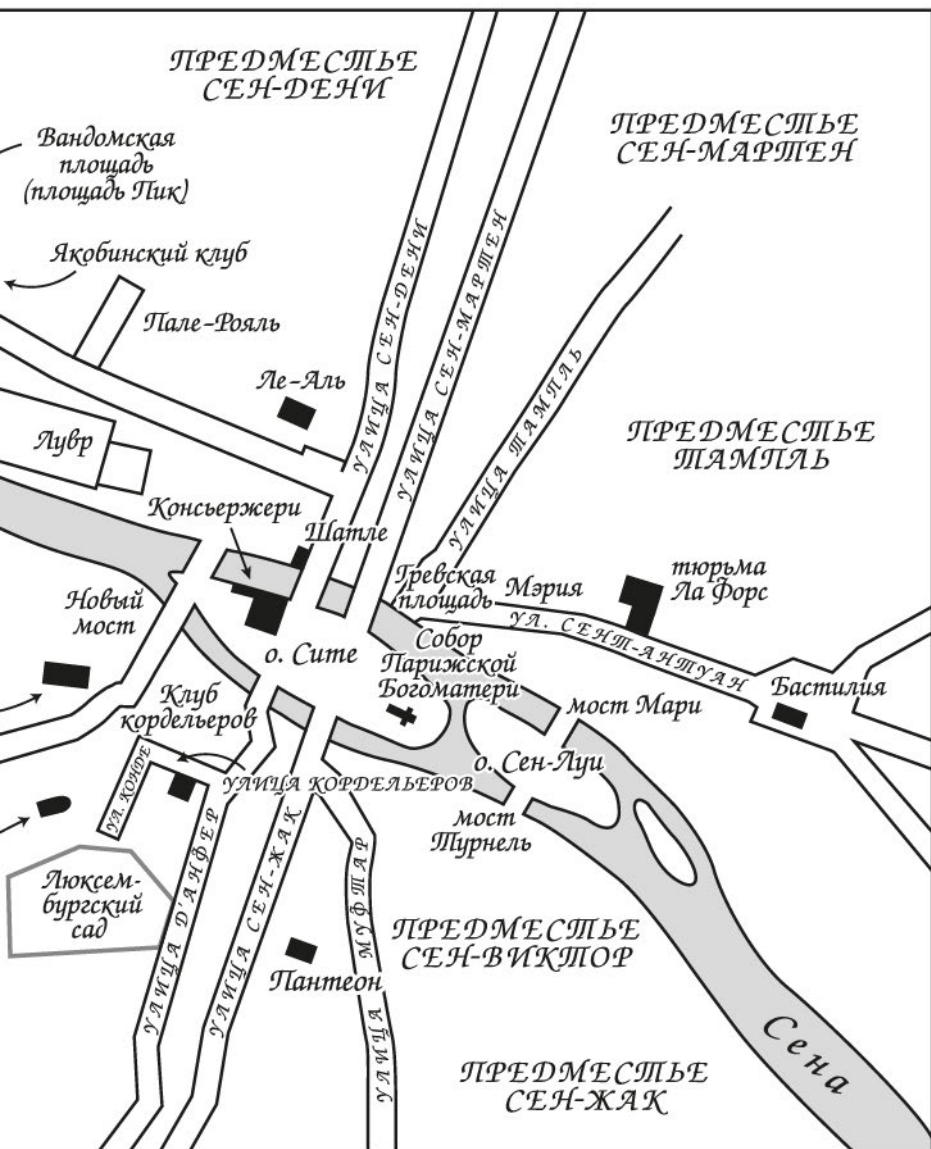
Флерио }
 Льендон } адвокаты со стороны обвинения

Фабриций Парис, судебный секретарь

Лафлотт, тюремный осведомитель

Анри Сансон, палач

ЧАСТЬ 1

Людовика XV называют Возлюбленным. Проходит десять лет. И те же люди верят, что Возлюбленный принимает ванны из человеческой крови... Избегая Парижа, запершись в Версале, король находит, что даже там слишком много людей и дневного света. Он мечтает об укромном уголке...

В голодный год (теперь они случаются часто) король, как обычно, охотился в Сенарском лесу. Встретив крестьянина, который нес гроб, он спросил: «Куда несешь?» — «Туда». — «Мужчину или женщину?» — «Мужчину». — «Отчего он умер?» — «От голода».

Жюль Мишле

ГЛАВА 1

Жизнь как поле боя

(1763–1774)

Теперь, когда пыль улеглась, можно оценить положение вещей. Теперь, когда последняя красная черепица уложена на крышу нового дома и брачному договору четыре года. Город пахнет летом, запах не слишком приятный, но такой же, как в прошлом году, и каким будет во все последующие. Новый дом пахнет смолой и восковой мастикой, а еще серной вонью назревающей семейной ссоры.

Кабинет мэтра Демулена через двор, в старом доме, который выходит на улицу. Если, стоя на Плас-д'Арм, поднять глаза на узкий белый фасад, вы увидите, как хозяин украдкой замирает перед ставнями первого этажа. Кажется, будто мэтр Демулен смотрит на улицу, но на самом деле он далеко отсюда, скажут наблюдатели. Да, это так. Мысленно он в Париже.

Во плоти мэтр Демулен поднимается по лестнице. Его трехгодовалый сын следует за отцом. Мэтр Демулен подозревает, что следующие двадцать лет сын так и будет болтаться под ногами, но что толку сетовать. Полуденная жара висит над улицами. Младенцы Генриетта и Элизабет спят в колыбельках. Мадлен с такой злостью и в таких выражениях ругается на прачку, что никто не угадал бы в ней хорошо воспитанную женщину в деликатном положении. Он закрывает за собой дверь.

Когда мэтр Демулен оказывается за письменным столом, в голове проносятся рассеянные парижские мысли. Такое случается часто. Он потворствует этим мыслям, воображая себя на ступенях суда Шатле с оправдательным приговором, ради которого пришлось попотеть. Коллеги поздравляют его. Он дает им имена и лица. Где сейчас Перрен? Где Вино? Он бывает в столице дважды в год, и Вино, студентом любивший обсудить с ним свой *жизненный план*, на площади Дофина прошел мимо него, словно мимо пустого места.

Это случилось в прошлом году, а сейчас август 1763-го от Рождества Христова. Город Гиз в Пикардии. Демулену тридцать три, он муж, отец, адвокат, член городского совета, генерал-лейтенант бальяжа, домовладелец с неподъемным счетом за новую черепицу.

Он достает конторские книги. Только два месяца назад родные Мадлен отдали ему последнюю часть приданого. Сделали вид — понимая, что едва ли он осмелится их разуверять, — будто это досадная оплошность, впрочем довольно лестная, мол, что для человека его положения, преуспевающего адвоката, какие-то несколько сотен?

Обычная уловка де Вьефвилей, и с этим ничего не поделаешь. Они приколотили его к семейной мачте, пока он, дрожа от смущения, подавал им гвозди. Он прибыл из Парижа по их велению, чтобы жениться на Мадлен. Ему было невдомек, что она успеет разменять четвертый десяток, прежде чем его кандидатуру сочтут достойной.

Что де Вьефвили умеют, так это раздавать указания. Заправляют мелкими городишками и крупными адвокатскими практиками. У них кузены по всему Лану, по всей Пикардии: сборище самонадеянных болтливых мошенников. Один из Вьефвилей мэр Гиза, другой — член высокого юридического органа, именуемого Парижским парламентом. Де Вьефвили берут в жены девиц из семейства Годар, а Мадлен — Годар по отцовской линии. Годары лишены заветной фамильной приставки, тем не менее они преуспевают. На музыкальных вечерах в Гизе и окрестностях, а равно на похоронах и обедах, которые дает коллегия адвокатов, обязательно будет кто-нибудь из Годаров, перед кем ты можешь преклонить колени.

Женщины в семье верят, что их святая обязанность — принести ежегодный приплод, и, несмотря на позднее начало, Мадлен от них не отстает. Отсюда и новый дом.

Ребенок, который пересек комнату и влез на подоконник, их первенец. Первая мысль мэтра Демулена, когда ему показали младенца: это не мой. Все объяснилось на крещении, когда ухмыляющиеся дядья и скрюченные тетки без конца восклицали: а кто тут у нас, неужто новый Годар? разве он не вылитый Годар? Три желания, уныло размышлял Жан-Николя: возглавить городской совет, жениться на кузине и разбогатеть, чтобы кататься как сыр в масле.

У ребенка была целая россыпь имен — крестные никак не могли договориться. Жан-Николя высказал свое предпочтение, но

семья была единокорна: можете называть его Люсьеном, для нас он Камиль.

Демулену казалось, что с рождением первенца его словно затнуло в чавкающую трясиину, откуда нет спасения. Он не бежал от ответственности, просто внезапно ощутил груз земных забот и с ужасом осознал, что отныне любое разумное действие обречено на провал. Ребенок представлял собой неразрешимую проблему. Он не поддавался толкованию с точки зрения права. Жан-Николя улыбался ему, сын учился улыбаться в ответ, но не добродушной беззубой младенческой гримасой — в его улыбке читалась ирония. К тому же, в отличие от других младенцев с их расфокусированным взглядом, сын — несомненно, все это отцу только чудилось — взирал на него с прохладцей. Это выводило Жана-Николя из себя. В глубине души он боялся дня, когда младенец сядет и заговорит. Он поймает отцовский взгляд, прищурится и промолвит: «Ну ты и болван».

Сейчас, стоя на подоконнике, сын комментирует все, что происходит на площади: кто вышел, кто вошел. Вот кюре, вот мсье Сольс, а вот крыса. А это собака мсье Сольса. Ой, бедная крыса.

— Камиль, — обращается он к сыну, — отойди от окна. Если ты вывалишься на мостовую и вышибешь себе мозги, ты никогда не возглавишь городской совет. Хотя почему нет, никто и не заметит.

Пока он подбивает счета, сын высовывается в окно еще дальше, сиюсья разглядеть подробности кровавой драмы. Кюре пересекает площадь в обратном направлении, собака дремлет на солнце. Подходит мальчик с ошейником и цепью, уводит собаку домой. Наконец Жан-Николя поднимает глаза.

— После того как я заплачу за крышу, — говорит он, — я пойду по миру. Ты меня слушаешь? Пока твои дядюшки предоставляют твоему отцу довольствоваться обедками со своего стола, подгребая всю практику под себя, мне, чтобы свести концы с концами, приходится влезать в приданое твоей матери, которое должно пойти на твоё образование. С девочками проще, будут рукодельничать или кто-нибудь женится на них за красоту. Едва ли этот вариант подходит тебе.

— Снова пришла собака, — сообщает сын.

— Разве я не велел тебе убраться подальше от окна? Хватит ребячиться.

— Почему нет? — возражает Камиль. — Ведь я ребенок.